

полчища хлынули через перевалы Тенистых гор; и в осажденной крепости Эйтель Сирион пал, пронзенный стрелою, Галдор Высокий, правитель Дор-ломина. Этой крепостью владел он как наместник Фингона, Верховного короля; в этом же самом месте несколько лет назад погиб его отец, Хадор Лориндол. Хурин, сын Галдора, едва возмужал, однако наделен он был великой силой и острым умом; в кровавом сражении он отбросил орков от Эред Ветрин и оттеснил их далеко в пески Анфауглита.

Нелегко было королю Фингону сдерживать армии Ангбанда, явившиеся с севера; и вот на равнине Хитлума закипела битва. Враги превосходили Фингона в числе; но вверх по заливу Дренгист поднялись корабли Кирдана с большим подкреплением; и эльфы Фаласа атаковали воинства Моргота с запада. Тогда орки дрогнули и бежали; эльдар одержали победу, а их конные лучники гнали врагов до самых Железных гор.

После этого Хурин, сын Галдора, стал править домом Хадора в Дор-ломине и служить Фингону. Хурин уступал в росте своим предкам, а также и своему сыну, но не ведал усталости и стойко переносил лишения; а гибкость и ловкость он унаследовал от родни своей матери, Харет из племени халадин. Женою Хурина стала Морвен Эледвен, дочь Барэгунда из рода Беора — та, что бежала из Дортониона вместе с Риан, дочерью Белегунда, и Эмельдир, матью Берена.

В ту же пору истреблены были изгнанники Дортониона, как будет сказано далее; уцелел лишь Берен, сын Барахира, и с трудом добрался до Дориата.

Глава 19

О БЕРЕНЕ И ЛУТИЭН

Легенды о страданиях и гибели дошли до нас из тьмы тех дней, однако есть среди них и такие, в которых радость звучит сквозь слезы, а за тенью смерти сияет свет. В числе тех хроник самым прекрасным эльфы и по сей день считают сказание о Берене и Лутиэн. О судьбе их повествует «Лэ о Лейтиан», «Избавление от Оков», самая долгая из песен древних времен, за исключением одной. Здесь же предание это изложено не столь пространно, и в прозе.

Говорилось ранее, что Барахир не пожелал покинуть Дортонион; Моргот же безжалостно преследовал его, вознамерившись уничтожить, и наконец остались с Барахиром только двенадцать спутников. Лес

Дортониона к югу переходил в заболоченные нагорья; в восточной части тех нагорий лежало озеро Тарн Аэлуин, а вокруг — вересковые пустоши. То был дикий, нехоженный край, ибо даже во времена Долгого Мира никто там не жил. Однако воды Тарн Аэлуин внушали всем глубокое почтение: днем сияли они прозрачной синевой, а ночью, словно зеркало, отражали звезды; говорилось, что сама Мелиан освятила озеро в давние времена. Туда-то и отступили Барахир и отряд изгнанников; там разбили они свой тайный лагерь, и Моргот не мог отыскать его. Слухи о подвигах Барахира и его соратников передавались из уст в уста, и вот Моргот повелел Саурону найти и истребить непокорных.

В числе соратников Барахира был Горлим, сын Ангрима. Жена Горлима звалась Эйлинель, и любили они друг друга великой любовью, но вот пришла беда. Однажды Горлим, возвратившись с войны, что шла на границах, нашел дом свой разграбленным и опустевшим, а жена его исчезла; и не ведал Горлим, убили ее или забрали в плен. Тогда он бежал к Барахиру, и во всем отряде никто не сражался яростнее и отчаяннее него; однако сомнение терзало его душу: думал Горлим, что, может быть, не погибла Эйлинель. Порою покидал он лагерь и один, втайне, возвращался в дом свой (дом тот по-прежнему стоял среди некогда принадлежавших Горлиму лесов и полей); и прознали о том прислужники Моргота.

Как-то осенью, в вечерних сумерках, пришел Горлим к дому и заметил, как ему показалось, свет в окне; и, опасливо приблизившись, заглянул внутрь. Там увидел он Эйлинель: лицо ее побледнело от истощения и горя; и померещилось Горлиму, будто слышит он родной голос и жалуется Эйлинель, что муж покинул ее на произвол судьбы. Но едва окликнул он ее вслух, как порыв ветра загасил свечу, завывали волки, и на плече своем Горлим ощутил тяжелую длань ловчих Саурона. Так Горлим угодил в ловушку: его отвели во вражеский лагерь и долго пытали, надеясь узнать об убежище Барахира и его замыслах. Но Горлим молчал. Тогда пообещали враги, что отпустят его и вернут ему Эйлинель, если он покорится; и вот, истерзан болью и тоскою о жене, он дрогнул. Тотчас же привели его к грозному Саурону, один вид которого повергал в ужас, и Саурон сказал: «Дошло до меня, что ты согласен заключить со мною сделку. Какова же твоя цена?»

И Горлим ответил, что хочет вновь увидеть Эйлинель и вместе с ней обрести свободу; ибо полагал несчастный, что и жена его томится здесь пленницей.

Тогда Саурон улыбнулся и молвил: «То небольшая цена за предательство столь великое. Исполню все. Говори же!»

Geo Mammitt

Горлим же готов был отречься от своих слов, но, уstraшенный взором Саурана, наконец рассказал ему все, что тот требовал. Тогда рассмеялся Саурон и, издеваясь над пленником, открыл Горлиму, что видел тот в окне только тень, призрак, созданный колдовством, чтобы заманить несчастного в ловушку, ибо Эйлинель давно была мертва. «Однако ж я исполню твою просьбу, — молвил Саурон. — Ты отправишься к Эйлинели и обретишь свободу, ибо не нуждаюсь я более в твоей службе». И Саурон предал пленника жестокой смерти.

Вот так известно стало о тайном убежище Барахира, и Моргот стянул сети вокруг него: орки, подкравшись неслышно в предрассветный час, захватили людей Дортониона врасплох и перебили их всех, кроме одного только. Ибо Берен, сын Барахира, отослан был отцом в тот день с опасным поручением — выведать намерения Врага; и находился далеко от лагеря, когда убежище было захвачено. Ночь застигла Берена в лесу; заночевав в чаще, увидел во сне он, будто бы вороны, пожиратели падали, расселись гуще, чем листва, на голых ветвях деревьев у озера, и кровь стекала с их клювов. Затем привиделся Берену неясный силуэт: тихо приблизилась к нему тень, скользя по поверхности воды. То был призрак Горлима; он заговорил с Береном, поведал о своем предательстве и смерти и повелел сыну Барахира поторопиться предупредить отца.

Тотчас же Берен проснулся и устремился сквозь ночь; и поутру второго дня возвратился в лагерь изгоев. Но как только приблизился он, вороны, пожиратели падали, поднялись с земли, и расселись на ветвях ольхи близ Тарн Аэлуин, и насмешливо закаркали.

Там, у озера, предал Берен земле прах своего отца, и воздвиг над могилой курган из валунов, и принес над ним клятву мести. Сперва бросился Берен в погоню за орками, убийцами отца его и родни, и вот настиг их: с наступлением ночи враги разбили лагерь у Родника Ривилия выше Топей Серех. Берен незамеченным приблизился к их костру, ибо в совершенстве постиг лесную науку. В это время главарь орков похвалялся громогласно своими деяниями; он поднял вверх кисть Барахира, которую отсек для Саурана, как доказательство того, что приказ исполнен; и на руке той сияло кольцо Фелагунда. Тогда Берен метнулся из-за скалы, сразил главаря и, схватив кисть руки и кольцо, скрылся, хранимый судьбою; ибо орки были перепуганы и стрелы их не попали в цель.

На протяжении еще четырех лет Берен скитался в Дортонионе: одинокий мститель, он стал другом зверей и птиц; и лесной народ по-

могал ему и ни разу не предал. С той поры Берен не ел более мяса и не поднимал руку на живое существо, если только оно не служило Морготу. Берен не боялся смерти, но страшился лишь плена: бесстрашный и отчаянный, он ускользал и от гибели, и от оков; и слава о дерзких подвигах, свершенных Береном в одиночку, гремела по всему Белерианду; и слухи о них дошли даже до Дориата. Наконец Моргот назначил за его голову цену не меньшую, чем за голову Фингона, Верховного короля холмодор; но орки скорее бежали прочь, заслышав о приближении Берена, нежели пытались отыскать его и выследить. Потому Враг выслал против сына Барахира целую армию, а командовал ею Саурон; и Саурон привел волколаков, свирепых тварей, одержимых наводящими ужас духами, что сам же он вложил в их тела.

Весь этот край стал теперь сосредоточием зла, и все доброе покидало его. Положение Берена сделалось настолько отчаянным, что наконец и он вынужден был бежать из Дортониона. Зимой, когда выпал снег, Берен оставил эти земли и могилу отца, и, поднявшись на хребет Горгорот, гор Ужаса, различил вдали край Дориат. Тогда вложена была в его сердце дума спуститься в Сокрытое Королевство, куда не ступала еще нога смертного.

Ужасным был путь Берена на юг. Прямо перед ним разверзлись отвесные пропасти Эред Горгорот, а на дне их клубился мрак, зародившийся еще до восхода Луны. А дальше простиралась пустошь Дунгортеб, где столкнулись чары Саурона и сила Мелиан; этот край стал сосредоточием безумия и страха. Там расселились пауки из гнусного племени Унголиант, и плели свои невидимые сети, в которых запутывалось все живое. Там рыскали чудища, рожденные на свет в кромешной тьме еще до восхода Солнца, и беззвучно выискивали добычу своими бесчисленными глазами. Не было еды ни для эльфов, ни для людей в этой наводненной призраками земле — но только смерть. Путь, проделанный Береном, числится не последним из его подвигов, однако никому не рассказывал он впоследствии о своем переходе, боясь, что пережитый ужас вновь проснется в душе. Никто не ведает, как отыскал он дорогу, по которой не ступал доселе ни эльф, ни смертный; никто не знает, какими тропами добрался он до границ Дориата. И прошел Берен сквозь лабиринты, коими окружила Мелиан королевство Тингола, и сбылось предсказанное ею: ибо судьба назначила Берену высокий удел.

Говорится в «Лэ о Лейтиан», что Берен вступил в Дориат, едва держась на ногах, поседевший и согбенный, словно под бременем долгих лет страданий и горя — столь великие муки испытал он в пути. Но,

Leo Holsmitch '97

блуждая летней порою в лесах Нельдорета, встретил он Лутиэн, дочь Тингола и Мелиан: в вечерний час, когда над лесом вставала луна, кружилась она в танце на неувядающей траве полян близ Эсгалдуина. Тогда воспоминания о пережитой боли оставили Берена, и он застыл, очарованный, ибо красота Лутиэн не имела себе равных среди Детей Илуватара. Одежды ее были синими, как ясное небо, а глаза — серыми, словно звездный вечер; плащ ее заткан был золотыми цветами, а кудри — темны, как сумеречные тени. Словно солнечный блик в листве деревьев, словно хрустальный перезвон ручьев, словно звездный луч в дымке тумана, сверкала ее гордая красота, а в лице ее сиял свет.

Но Лутиэн скрылась из виду, и Берен лишился дара речи, точно заколдовали его; долго блуждал он в лесах, пуглив и дик, словно зверь, ища ее. В сердце своем Берен назвал ее Тинувиэль, что означает Соловей, дочь сумерек, на языке Серых эльфов, ибо настоящего ее имени Берен не знал. Порою различал он ее вдали, осенью — в хороводе листьев, гонимых ветрами, зимой — в сиянии звезды над холмом; но словно цепь сковывала его поступь.

И вот наступил предрассветный час в канун весны; и Лутиэн снова кружилась в танце на зеленом холме; и вот она запела. Звонкая песнь ее пронзала душу, словно трель жаворонка, что взмывает ввысь над вратами ночи и дарит напев свой умирающим звездам, провидя солнце, встающее за стенами мира. Песнь Лутиэн разбила цепи зимы, и заговорили скованные льдом воды, и там, где ступала она, на промерзшей земле распускались цветы.

Тогда пали чары немоты, и Берен воззвал к ней, восклицая: «Тинувиэль!» — и лесное эхо повторило это имя. И она помедлила в изумлении и более не убежала, и Берен приблизился к ней. И встретились их взгляды, и настиг ее рок, и Лутиэн полюбила Берена; но вот засиял первый рассветный луч, и она выскользнула из его объятий и исчезла из виду. Тогда Берен пал на землю без чувств, словно сраженный горем и блаженством одновременно, и погрузился в мрачные бездны сна. Очнувшись же, он ощутил могильный холод, а в сердце его царили одиночество и пустота. Мысли его блуждали, и ощупью искал он путь в темноте, словно человек, внезапно ослепший, что руками пытается удерживать исчезнувший свет. Так ценою скорби расплачивался Берен за назначенную ему судьбу; но та же судьба подчинила себе и Лутиэн: бессмертная, она разделила с ним удел смертных, и, будучи свободной, приняла его оковы; и страданий, подобных тем, что выпали ей на долю, не знал никто из эльдалиэ.

И Лутиэн возвратилась к нему, туда, где пребывал он во мраке, утратив надежду, и вложила свою руку в руку смертного — давным-давно, в лесах Сокрытого Королевства. После того часто приходила она к нему, и бродили они вдвоем, вдали от чужих глаз, в густых лесах, а над миром цвела весна, и приближалось лето, и большей радости не выпадало в удел никому из Детей Илуватара, хотя недолог был миг блаженства.

Даэрон, менестрель, тоже любил Лутиэн; он проследил ее встречи с Береном и выдал их Тинголу. Король пришел в ярость, ибо Лутиэн любил он превыше всех сокровищ, и полагал, что даже среди эльфийских владык нет никого, достойного его дочери; смертных же Тингол даже не принимал на службу. Охваченный изумлением и горем, король стал расспрашивать Лутиэн, но она отказывалась открыть отцу что-либо, пока не поклялся Тингол, что ни темница, ни казнь не грозят Берену. Однако король послал своих слуг схватить дерзкого и доставить его в Менегрот как преступника и злодея; но Лутиэн, опередив слуг отца, сама привела Берена к трону Тингола как почетного гостя.

Презрительно и гневно взглянул Тингол на Берена, Мелиан же хранила молчание. «Кто ты, — спросил король, — явившийся сюда как вор; незваным посмевший приблизиться к моему трону?»

Но Берена охватил благоговейный страх, ибо не знали равных великолепию Менегрота и величие Тингола; и промолчал он. Тогда заговорила Лутиэн и молвила: «Это Берен, сын Барахира, вождь людей и заклятый враг Моргота; даже эльфы складывают песни о его подвигах».

«Пусть говорит Берен! — молвил король. — Что нужно тебе здесь, злосчастный смертный? Ради какой нужды покинул ты свои владения и явился в мое королевство, закрытое для таких, как ты? Можешь ли ты оправдать свой приход, чтобы властью своей не подверг я тебя суровому наказанию за дерзость твою и безрассудство?»

И Берен, подняв глаза, встретился взглядом с Лутиэн, а затем взор его обратился к Мелиан, и показалось ему, будто слова вложили в его уста. Страх оставил гостя, и в сердце его проснулась гордость старшего из домов эдайн, и отвечал он: «Судьба, о король, привела меня сюда — через такие опасности, каким немногие эльфы отважились бы бросить вызов. И здесь обрел я то, чего, воистину, не искал, — но найдя, отнять не позволю. То, что обрел я, дороже золота и серебра, светлее драгоценных камней. Ни скалы, ни сталь, ни огни Моргота, ни вся мощь эльфийских королевств не разлучат меня с сокровищем, о котором мечтаю я. Ибо дочь твоя, Лутиэн, прекраснее всех Детей Мира».

Тогда молчание воцарилось в зале; все стоявшие там преисполнились изумления и страха, и полагали они, что Берен тотчас же будет казнен. Но Тингол заговорил, медленно взвешивая слова: «Смерть заслужил ты подобными речами, и смерть уже настигла бы тебя, низкороджденный смертный, во владениях Моргота научившийся пробираться тайными путями, под стать соглядатаям его и рабам — если бы не принес я опрометчивой клятвы, о которой весьма сожалею».

И отвечал ему Берен: «Смерть, заслуженную или нет, приму я от тебя — но не бранные слова; не позволю клеймить себя ни низкороджденным, ни соглядатаем, ни рабом. Клянусь кольцом Фелагунда, что эльфийский владыка вручил Барахиру, отцу моему, на поле битвы Севера, род мой не заслужил от эльфа подобных оскорблений — будь он хоть королем».

Гордостью звенели слова Берена, и все взоры обратились к кольцу; Берен поднял его над головою, и вспыхнули зеленые камни, созданные нолдор в Валиноре. Кольцо это было в форме двух змей с изумрудными глазами: змеиные головки соприкасались под короной из золотых цветов; первая змея поддерживала ее, а вторая пожирала: таков был знак Финарфина и его рода. Тогда Мелиан склонилась к плечу Тингола и шепотом посоветовала ему умерить свой гнев. «Ибо не от тебя, — молвила она, — примет Берен смерть; судьба уведет его в далекие, неведомые края — и однако судьба эта сплетена с твоею. Остерегись же!»

Но Тингол молча глядел на Лутиэн и думал про себя: «Жалкие люди, дети ничтожных правителей и недолговечных королей! Неужели такой, как эти, коснется тебя — и все же останется жить?» И, нарушив молчание, молвил король: «Я вижу кольцо, сын Барахира, и понимаю, что горд ты и мнишь себя непобедимым. Но подвигов отца, пусть даже мне оказал бы он услугу, недостаточно, чтобы завоевать дочь Тингола и Мелиан. Так слушай! И я тоже мечтаю о сокровище, в котором отказано мне. Ибо скалы, и сталь, и огни Моргота хранят драгоценность, которой хотел бы я завладеть, бросив вызов мощи эльфийских королевств. Но говоришь ты, что подобные препятствия не пугают тебя? Так отправляйся в дорогу! Принеси мне в руке своей один Сильмариль из короны Моргота, и тогда Лутиэн отдаст тебе свою руку, если будет на то ее воля. Только тогда получишь ты мое сокровище, и, хотя в Сильмарилиях заключены судьбы Арды — считай, что щедрость моя не имеет границ».

Так Тингол призвал гибель на Дориат и опутал себя тенетами проклятия Мандоса. Те, кто слышал его слова, поняли, что король, не нарушая клятвы, тем не менее посылает Берена на верную смерть: знали

эльфы, что всей мощи нолдор до прорыва Осады не достало, чтобы те хотя бы издали увидели сияющие Сильмарили Феанора. Ибо камни вправлены были в Железную Корону и ценились в Ангбанде превыше всех сокровищ, и стерегли их балроги, и бесчисленные мечи, и крепкие решетки, и неприступные стены, и черные чары Моргота.

Но рассмеялся Берен. «Дешево же продают эльфийские владыки своих дочерей — за драгоценные побрякушки, за поделки ремесленника, — молвил он. — Но если такова твоя воля, Тингол, я исполню ее. И когда встретимся мы вновь, моя рука будет сжимать Сильмариль из Железной Coronы. Помни: не в последний раз видишь ты перед собою Берена, сына Барахира!»

И Берен посмотрел в глаза Мелиан, что по-прежнему не произнесла ни слова, распрощался с Лутиэн Тинувиэль, и, поклонившись Тинголу и Мелиан, отстранил стражу, стоявшую подле него, и один покинул Менегрот.

Тогда наконец заговорила Мелиан, и сказала Тинголу так: «Коварный замысел затаил ты, о король! Но если только не обманывается мой взор, для тебя равно обернется злом, потерпит ли Берен неудачу или одержит победу. Ибо ты обрек на гибель либо дочь свою, либо себя самого. Отныне судьбы более могучего королевства переплелись с судьбою Дориата».

Но отозвался Тингол: «Я не продаю ни эльфам, ни людям тех, кого люблю и кем дорожу превыше всех сокровищ. Если бы ожидал или опасался я, что Берен возвратится в Менегрот живым, не увидел бы он более света небес, невзирая на мою клятву».

Но Лутиэн промолчала, и с этого часа в Дориате не звучали более ее песни. Мрачное безмолвие воцарилось в лесу, и удлинились тени в королевстве Тингола.

Говорится в «Лэ о Лейтиан», что Берен беспрепятственно прошел через Дориат и вышел наконец к Озерам Сумерек и Топям Сириона; и, оказавшись за пределами владений Тингола, поднялся на гряде холмов над Водопадами Сириона, откуда река с шумом и грохотом низвергалась под землю. Оттуда взглянул Берен на запад и, за завесой туманов и дождей, разглядел Талат Дирнен, Хранимую Равнину, простирающуюся между Сирионом и Нарогом; а за нею, вдалеке, различил нагорья Таурэн-Фарот, нависающие над Нарготрондом. И, отчаявшись, не имея ни надежды, ни поддержки, он направил свой путь туда.